

НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Более полувека имя Игоря Моисеева широко известно во всем мире. Оно стало символом высочайшего искусства народного танца. Свой 87-й день рождения прославленный хореограф и режиссер отметил в Париже, где с огромным успехом проходили гастроли его знаменитого ансамбля. По просьбе нашего корреспондента Игорь Александрович дал большое интервью, фрагмент которого мы предлагаем читателям.

Игорь Моисеев:

Что ДЕЛАТЬ в 87? ТВОРИТЬ!

— В недавней телевизионной передаче в Париже вы превосходно говорили по-французски. Откройте, пожалуйста, секрет вашего блистательного знания этого языка.

— Секрет в том, что моя мать была француженка, с которой мой отец познакомился в Париже. Так что французский язык я получил, как говорится, в наследство.

— В 1955 году вы стали почетным членом Академии танца в Париже. А чем еще вам дорог этот город?

— Я путешествовал по многим странам мира, но всюду чувствовал себя иностранцем. В Париже мне легко: по-видимому, знание языка помогает мне, но я чувствую там себя свободнее и по другой причине. Я его помню с детства. Правда, это очень далекое детство. Мне было пять лет, когда я уехал из Парижа, тем не менее что-то помню до сих пор. Например, Вандомскую колонну, на вершину которой мы поднимались по крутой витой лестнице в полной темноте с зажженными свечами. С верхней площадки был виден весь Париж. Я все это помню очень хорошо.

— В чем особенность гастролей вашего ансамбля в Париже!

— Во-первых, это первый капиталистический город, выражаясь «социалистическим» языком, в который мы попали из своего коммунистического плена. Во-вторых, здесь нас ждал настоящий триумф. То, что делалось в 1955 году, было похоже больше на успех гастролей Дягилева. Сейчас «русское» уже набило оскомину в основном своим плохим сортом, и завоевало все закоулки. Поэтому уже родилось невосприятие русского искусства. Мы надоели отсутствием чувств меры, а главное, чувства достоинства: многие русские превратились просто в попрошайки. Все это дает такой неприятный моральный осадок. На

этом фоне очень трудно удержать качество, прежде всего артистическое. Артисты, которые раньше беззаветно любили свою профессию, сейчас больше думают, где бы чего достать, как бы что раздобыть, а искусство уходит на второй план. И в этой обстановке, скажу без ложного хвастовства, наш коллектив, пожалуй, единственный, который героически пытается деждать «марку». Вы были на концерте и, наверное, видели, что ансамбль не потерял своего лица. Но сохранить престиж — очень трудно. Никто из нас не знает, что с нами будет завтра.

— Как сейчас финансируется ваш ансамбль?

— Ансамбль — государственный. Мы живем за счет государства, то есть на дотации, потому что никакой вид искусства не может существовать, особенно в наши дни, без соответствующей поддержки. Сложность наших финансовых отношений в России заключается в том, что в связи с гиперинфляцией цены настолько возросли, что нам выгоднее сидеть в Москве и не выступать, чем ехать на гастроли по стране. Стоимость билетов на самолет, скажем, в Сибирь, для 120 человек — это целое состояние. Да еще плюс гостиница, плюс суточные. В совокупности получается цифра, которую не покрывают никакие сборы. Поэтому единственный выход из положения — это дотации. Выручает еще и то, что, несмотря на сложности, за границей нас не забывают и продолжают приглашать. И сюда, в Париж, приезжают другие зарубежные импресарио, чтобы нас посмотреть. Вот сейчас были из Америки и Израиля, хотя, чтобы мы там выступили. В Америке мы были 11 раз.

— А в Париже вы уже который раз!

— Думаю, что двенадцатый. — Как составлялась программа для нынешних гастролей в Париже!

— Она была составлена по выбору импресарио, которые училивали, сколько раз тот или иной номер здесь уже видели. Предпочтение отдавалось новым номерам, но публика всегда двойственна в своих вкусах. Есть зрители-консерваторы и зрители-новаторы. Последние хотя и все время видят что-то новое. Консерваторы требуют, чтобы были их излюбленные номера, например, «Партизаны». Они фактически не сходят со сцены. Этот номер стал вроде фирменной марки. Но всегда очень сложно угодить всем. Тем не менее из совершенно новых номеров хочу назвать «Греческую сюиту», которую всегда очень хорошо принимают, а также танцы «Татарочка» и комическая «Финская полька». Мы все время усложняем технические элементы танца, насыщаем их изумительными трюками.

— Состав ансамбля формируется на базе вашей танцевальной школы!

— Да, но иногда можно стать артистом ансамбля и по конкурсу. Если мы видим, что пришел хорошо подготовленный танцовщик, конечно, мы его берем. Однако это случается очень редко: чем дальше, тем выше становится уровень подготовки в нашей школе.

— Что разочаровывает вас сегодня в культуре России!

— Разочарование вселяет то, что мы постепенно остаемся без интеллигенции. В этом опять-таки виновата экономика. Но виноват и Сталин, который истреблял интеллигенцию. Сталинское время создало узкомыслящего человека — чиновника-раба, если и специалиста, то крайне узкого, без каких-либо гуманистических взглядов на мир, без интересов, без попыток расширить свой кругозор. На этом фоне, конечно, были и люди с большой буквы, крупные ученые. Россия в этом отношении всегда была богата талантами. Но сейчас талантливые люди уезжают, потому что тяжело жить

в замкнутой коробке, в которой и дышать-то трудно. Вот это, я думаю, и есть самая главная проблема, которая стоит перед Россией. Если вырастить дерево сложно, то взрастить интеллигенцию еще сложнее, для этого требуются даже не десятилетия, а, может быть, несколько веков. То, что произошло с нами, — хуже татарского нашествия, потому что даже при татарах у нас все-таки была какая-то самостоятельность. Все же тогда можно было откупиться данью.

— Какие вы видите пути для возрождения былого величия России!

— Русский народ по своей природе необычайно талантлив и широк, вместе с тем он все-таки остается неевропейским народом, а как бы среднеазиатским. И в связи с этим демократическая власть никогда не найдет у нас правильного места, потому что всегда будет борьба за власть. России нужна твердая, могучая и честная рука, то есть нужен Петр Великий, который сумел встряхнуть страну за очень короткий период, сумел вырвать ее из глухой азиатчины и приобщить к Европе. За какие-то 30 лет Россию нельзя было узнать. Вот мы находимся сейчас на таком же рубеже. Но если даже и найдется такой человек, то ему будет крайне трудно, потому что народ очень распушен.

Прежние чувства крепостного человека, ощущения раба при нашей нынешней демократии, вернее, вседозволенности, перерождают нас в каких-то дикарей, когда что хочу, то и ворочу. Поэтому быть Петром Великим сейчас очень сложно: его могут снести раньше, чем он обретет власть. И все же я думаю, что хорошая, благородная монархия была бы лучшей формой для России. Демократия для нас — это вечные драчки, вечные неполадки, вечные перевороты. Поэтому движение будет скачкооб-

разное, как по ухабам, и оно не даст продвижения вперед. Это будет только ломка колес.

— Правда ли, что при Сталине вы ставили спортивные парады на Красной площади!

— Да, я был единственным не только хореографом, но и режиссером, который не боялся ставить при Сталине массовые действия. Все боялись, потому что ошибиться там было нельзя, как в работе сапера. А я всегда выходил из положения — делал какие-то фантастические вещи, в которые сегодня вряд ли кто-то поверит.

Два года тому назад в «Литературной газете» я написал свои воспоминания о встречах со Сталиным и Берией. Это было два больших подвала, и назывались они «Танцы для вождей». Я там рассказываю, как мы танцевали в Кремле...

— Какие у вас сегодня творческие устремления!

— Хочется все время приумножать репертуар, ведь если я чего-то не создал в течение сезона, значит, я стою на месте. А это для меня все равно, что идти назад. Преодолевая все препоны и трудности извне и изнутри, я заставляю себя любой ценой что-то творить. И я горжусь тем, что в прошлом году закончил постановку «Греческой сюиты». Впервые она была показана в Греции и прошла там с триумфальным успехом — в течение всей сюиты все зрители пели! Они пели каждую мелодию, которую мы танцевали. Эта сюита блестяще прошла и у нас, и в Америке, и в Париже. Я горжусь тем, что моя последняя работа, сделанная в мои 87 лет, имеет такой успех. Значит, еще есть порох в пороховницах.

— Игорь Александрович, а в чем секрет вашего физического и творческого долголетия!

— Я думаю, что физическое поддерживает творческое, а творческое поддерживает физическое. Ну, конечно, это прежде всего устремленность и самодисциплина. До сих пор делаю гимнастику — полтора часа каждое утро, как «Отче наш». Это все-таки помогает. И сама профессия по своей природе не старческая, а молодая. Когда творишь, то чувствуешь, как молодеешь.

— Наконец, я хотел бы узнать ваш третий секрет. Почему вот уже 56 лет ваш ансамбль постоянно имеет фантастический успех во всех странах мира!

— Искусство танца не нуждается в переводе. Если бы мы говорили или пели, мы не были бы так понятны. Нас понимают все во всех странах. А, во-вторых, конечно, много значит и ясность изложения. И наш язык должен быть очень точным. Толстой говорил: «Кто ясно мыслит — ясно излагает». Вот так же и в нашем творчестве нужно четко мыслить, а значит, ясно излагать. Тогда вы понятны и любимы. Я думаю, что в этом главная причина.

Интервью вел Виктор ИГНАТОВ. ПАРИЖ.

● Игорь Моисеев на фоне своей гастрольной афиши в Париже.

Фото автора.

13.03.93
Моисеев И.